

Munich Personal RePEc Archive

Counter-sanctions and the Russian economy: effects for economic growth, imports and food markets

Dmitriy, Skrypnik and Alexander, Zaytsev and Kirill,
Ryazanov

CEMI RAS, HSE, MSE MSU

August 2019

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/96576/>

MPRA Paper No. 96576, posted 16 Oct 2019 21:28 UTC

Контрсанкции и российская экономика: эффекты для экономического роста, импорта и продовольственных рынков

Аннотация

В работе исследуются эффекты контрсанкции, и процессов импортозамещения для продовольственных рынков, импорта и экономического роста. На рынках агропродовольственной продукции в 2014-2018 гг. выявляются достаточно активные процессы импортозамещения с точки зрения объемов производства. По мясу птицы, свинине, овощам и сырам рост внутреннего производства покрыл выпавший импорт более чем в 2 раза, что привело к росту доли отечественного производства. Отсутствие существенного продвижения по-прежнему наблюдается в производстве мяса крупного рогатого скота. На основе ex-post анализа определяется, что фактический вклад отечественных отраслей сельского хозяйства (без учета зерновых) и пищевой промышленности в динамику ВВП был умеренным, но положительным. В отдельные санкционные годы он доходил до 0.24 п.п. или 10.6% от всего роста ВВП. При этом вклад существенно возрос по сравнению с досанкционным периодом. Основные контрсанкционные эффекты для импорта обнаруживаются по группам молоко, овощи и фрукты, однако в силу малой доли импорта влияние на внутренние рынки оказывается незначительным. Как демонстрируют расчёты, основным фактором роста отечественных отраслей сельского хозяйства (без учета зерновых) и пищевой промышленности в 2014 году стали контрсанкционные действия России.

Ключевые слова: контрсанкции, импортозамещение, экономический рост

Counter-sanctions and the Russian economy: effects for economic growth, import and food markets

Abstract

This work explores the effects of countersanctions and import substitution processes on food markets, food imports, and economic growth in Russia. In 2014-2018 in the agro-food markets quite active import substitution processes (in terms of domestic production volumes) is shown. On poultry meat, pork, vegetables and cheese, the growth of domestic production covered the fallen imports by more than 2 times, which led to an increase in the share of domestic production. A lack of substantial production growth is still seen in cattle meat production. On the basis of ex-post analysis, it is determined that the actual contribution of domestic agriculture (excluding cereals) and food industry to GDP dynamics was moderate but positive. In certain sanctions years, it reached 0.24 p.p. or 10.6% of total GDP growth. At the same time, the contribution increased significantly compared to the presanction period. The main effects of countersanctions are found in imports of milk, vegetable and fruit groups, but due to the small share of imports in total consumption, the impact on domestic markets is insignificant. According to calculations, the main factor of growth of domestic agricultural sectors (excluding cereals markets) and food industry in 2014 were countersanction actions of Russia.

1. Введение¹

После вхождения Крыма в состав России и конфликта на востоке Украины в отношении России большинством европейских стран и США в 2014 году были введены экономические санкции. Ответным шагом Россия ввела эмбарго на ряд импортируемых в страну товаров, были запущены как новые программы поддержки экспорта и развития сельского хозяйства, пищевой промышленности и машиностроительных отраслей, так и увеличены объемы финансирования по действующим программам импортозамещения.

Поскольку политика импортозамещения стала одним из важнейших приоритетов с 2014 года и ей уделяется особое внимание в СМИ, то вопрос оценки потенциальных эффектов, отдачи и ее эффективности является более чем значимым. Результаты политики можно оценивать по разным экономическим критериям: рост производства и продовольственной безопасности страны (Фрумкин, 2016), (Гнидченко, 2016), (Шагайда & Узун, 2016а), изменение цен и благосостояния населения (Шагайда & Узун, 2016б) (Турдыева & Волчкова, 2018), (Бородин, 2018), зависимость от импортных технологий и продукции импортного машиностроения (Цухло, 2016). Безусловно, важным является и оценка непосредственных экономических эффектов (вклада) внешних санкций (Гурвич & Прилепский, 2018, 2016), (Синяков, Ройтман, & Селезнев, 2015) и контрсанкций (Бородин, 2016), (Волчкова & Турдыева, 2016), а также государственных программ импортозамещения в динамику макроэкономических и отраслевых показателей.

Запрет на импорт вызвал два последствия для внешней торговли. Первый эффект - перераспределительный, когда импорт из стран, попавших под продовольственное эмбарго, полностью замещался импортом из стран, на которые эмбарго не распространяется. Яркий пример – рынок цитрусовых и косточковых фруктов, на котором уже к 2017-2018 гг. санкционный импорт был полностью замещен поставками из других несанкционных стран (Зайцев & Гурьева, 2019).

Соответственно полное замещение санкционного импорта другими странами в этом случае не повлекло какой-либо реакции со стороны отечественных производителей и не окажет влияния на экономическую динамику. При этом, поскольку российская экономика является малой экономикой, ее действия не приводили к росту цен на импортируемую продукцию. Вероятен лишь краткосрочный эффект скачка цен на внутреннем рынке в связи

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 17-02-00524-ОГН).

с возникновением временного дефицита продукции из-за невозможности моментально наладить поставки из других стран.

Второй эффект возникает, когда выпадающий импорт не замещается полностью. Так произошло на рынках свинины (26 -17), птицы, рыбы (29% в 18) сыров (30%-17 и 45 в 18): санкционный импорт был замещен поставками из других несанкционных стран только на 25-45% (по данным (Зайцев & Гурьева, 2019)). На внутреннем продовольственном рынке образуется условный дефицит товаров, равный незамещенному импорту. В этом случае отечественные производители сталкиваются с экзогенным ростом спроса на свою продукцию. Такое расширение рынка будет приводить к росту цены и внутреннего производства в краткосрочном периоде. Насколько вырастет цена – зависит от степени монополизма соответствующего рынка, существующих барьеров для входа в отрасль и прочих несовершенств рынка. Сумеют или нет отечественные производители воспользоваться дополнительными возможностями зависит от существующих возможностей финансирования проектов, грамотного отбора технологий производства для внедрения.

В настоящей работе в разделе 2 анализируются процессы импортозамещения и для основных агропродовольственных рынков оценивается, насколько отечественные производители были успешны в замещении выпавшего в связи с событиями 2014 года импорта. В 3 разделе анализируется фактическая динамика импортозамещающих отраслей – возможных бенефициаров контрсанкционных действий России, в этом разделе также оценивается фактический совокупный вклад отраслей в экономическую динамику. В 4 разделе оценивается кратко-среднесрочный эффект контрсанкционный для импорта по основным продуктовым группам. На основе полученных оценок для импорта оценивается прямой контрсанкционный эффект для экономической динамики. Сопоставление фактического вклада пищевой промышленности, сельского хозяйства (кроме зерновых) и расчетного эффекта контрсанкций позволяет сделать вывод, какая часть роста данных отраслей обусловлена контрсанкционными действиями.

2. Процессы импортозамещения на продовольственных рынках России в санкционный период 2014-2018 гг.

В настоящем разделе оцениваются процессы импортозамещения на продовольственных рынках России с точки зрения объемов производства. Для анализа

процессов импортозамещения мы оцениваем, какая часть сократившегося импорта была замещена изменением внутреннего производства:

$$\text{Доля замещенного импорта} = \frac{\Delta Q_{domestic}}{|\Delta IMP|} * 100\% \quad (1),$$

где $\Delta Q_{domestic}$ – изменение объемов внутреннего производства в тоннах за 2013-2018 гг.

ΔIMP – изменение объемов импорта в тоннах за 2013-2018 гг.

Предлагаемый показатель следует смыслу самого термина «импортозамещение» и лишен ряда недостатков других подходов². В частности, он не будет свидетельствовать о «ложном» импортозамещении в случае отсутствия роста отечественного производства и снижения общего потребления продукта. В результате по основным продуктовым позициям были получены оценки долей импорта, замещенных внутренним производством (Табл. 1).

Таблица 1. Процессы импортозамещения на продовольственных рынках России в санкционный период 2014-2018 гг.

Продукт (тонн)	Изменение внутреннего производства (2013-2018), тонн	Изменение импорта (2013-2018), тонн	Изменение ресурсов («потребления»), % к 2013	Доля импорта в потреблении, % 2013г	Доля импорта в потреблении, % 2018г	Доля замещенного импорта, %
(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7) = (2)/ (3)
Мясо КРС	57 595	-311 602	-28%	73%	54%	18%
Свинина	1 368 811	-558 477	42%	32%	2%	245%
Птица	745 740	-303 501	11%	13%	5%	246%
Рыба³	258 318	-342 752	-2%	16%	9%	75%
Масло сливочное	39 902	-53 867	-4%	39%	25%	74%

² Стандартный подход к оценке процессов импортозамещения – расчет доли импорта в общем объеме потребления (Росстат, 2019) - может давать ложные и завышенные оценки происходящих процессов в том случае, если импорт значительно сокращается, но внутреннее производство остается на прежнем уровне. Подход, основанный на расчете отношения темпов роста отечественного производства и импорта (Гнидченко, 2016), (Шагайда, Узун, 2016) корректно отражает направление процессов импортозамещения, однако не позволяет получить представление о масштабах происходящих процессов. Если изначально отечественный производитель занимал небольшую долю на рынке (например, 10%), а после импортного шока увеличил свое производство вдвое, то для рынка в целом это изменение будет не столь существенным. Но при этом используемый подход будет отражать существенный «прогресс» в импортозамещении.

³ Включаются следующие категории: рыба живая, свежая, охлажденная, мороженая; филе рыбное свежее или охлажденное, мороженое; рыба вяленая, копченая.

Сыр и творог⁴	217 163	-168 204	3,93%	35%	21%	129%
Огурцы	211 673	-91 830	7%	13%	7%	231%
Томаты	671 382	-277 950	13%	28%	17%	242%

Источник – расчеты авторов на основе данных Росстат и ФТС

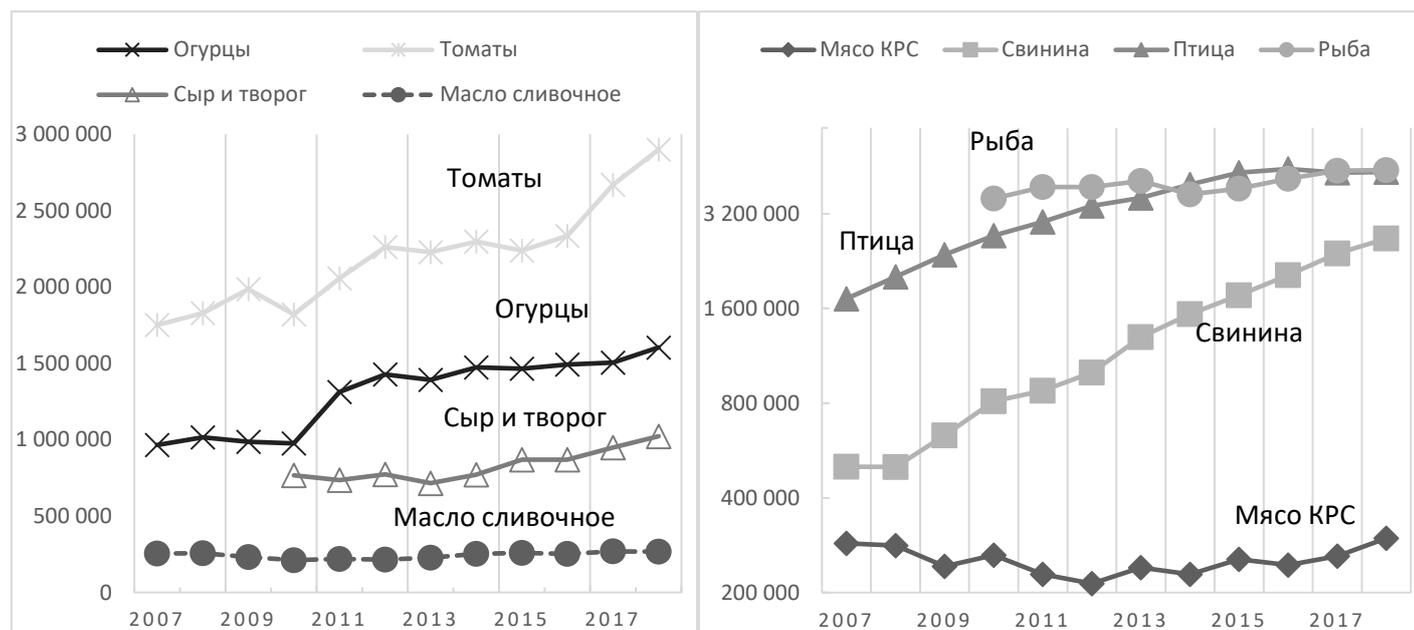
На основе полученных результатов можно выделить следующие группы продуктов:

Первая группа - продукты, падение импорта которых удалось заместить значительно или полностью (80% и более) – это свинина, мясо птицы, сыр и творог, огурцы, томаты (см. столбец 7, Табл. 1). В первую группу в основном попали наиболее быстрорастущие по внутреннему производству продуктовые позиции. Так, тенденция на увеличение внутреннего производства мяса птицы и свинины наблюдается еще с начала 2000-х годов (см. график 1), которая объясняется достаточно стабильным спросом на данные продуктовые позиции со стороны населения и относительно низкой стоимостью производства по сравнению, например, с мясом КРС. В этой связи значительные успехи в замещении импорта по данным продуктовым позициям, скорее всего, являются результатом установившейся тенденции и следствием запущенных еще задолго до санкций государственных программ поддержки данных отраслей.

Внутреннее производство овощной продукции (огурцов и томатов), также демонстрировало достаточно устойчивую тенденцию к росту с начала 2000-х годов. Однако, с 2016-2017 гг. наблюдается ускорение темпов роста производства овощей (в особенности, томатов закрытого грунта) в результате масштабных инвестиций тепличные комплексы (см. рис. 1) и снижения импортозависимости по ним. Здесь очевидно позитивное влияние как более слабого курса рубля, а также российских эмбарго вместе с государственными программами импортозамещения.

⁴ Не включая сырные продукты.

Рисунок 1. Динамика внутреннего производства, тонн

Источник – Росстат

Значительные успехи в наращивании внутреннего производства сыра и творога, скорее всего, связаны, с одной стороны, с резким сокращением импорта из ЕС и США, которые являются одними из основных мировых экспортеров молочной продукции. На начало 2014 года доля санкционных стран в импорте сыра и творога в Россию составляла 62%. С другой стороны, наличием сохраняющегося достаточно высокого спроса на молочную продукцию со стороны населения, несмотря на падение реальных доходов. (Ларкина, Комарова, 2016). Это привело к тому, что с 2014 года рынок сырной и творожной продукции в Российской Федерации активно рос, на фоне введения в эксплуатацию новых производственных линий. (Зимняков, 2016). Предпосылка о резком сокращении импорта подтверждается и модельными расчетами: эмбарго дополнительно сокращало ежегодный объем импорта сыра и творога на 24% (по данным (Рязанов, 2019)).

Вторая группа - продукты, падение импорта которых удалось заместить частично (от 50% до 80%). К ним относится рыба и масло сливочное. По мнению ряда экспертов, общий улов рыбы в России приближается к своим максимальным значениям⁵, с чем, видимо, и связан “средний” результат в замещении импорта рыбы.

Внутреннее производство сливочного масла, видимо, стало заложником резкого роста в производстве сырной и творожной продукции, поскольку обе продуктовые позиции являются результатом переработки молока. К тому же эффект эмбарго в импорте

⁵ <https://tass.ru/pmef-2018/articles/5222004>

сливочного масла значительно меньше по сравнению с эффектом в импорте сыра и творога (14% против 24% по данным (Рязанов, 2019)).

Наконец, наиболее незначительные результаты в замещении импорта наблюдаются в производстве мяса крупного рогатого скота. Так для мяса КРС в период с 2013 по 2018 год доля импорта в потреблении сократилась на 19% (с 73% до 54%) в то время, как доля импорта, замещенная внутренним производством, составила всего 18%. Это объясняется двумя основными причинами: инвестиционной сложностью и длительным сроком окупаемости производства мяса крупного рогатого скота, а также падением реальных доходов населения, что привело к замещению потребления дорогой говядины свининой и птицей.

Резюмируя, можно сделать следующие основные выводы. На рынках агропродовольственной продукции действительно происходят процессы импортозамещения с точки зрения объемов производства.

Наиболее интенсивное импортозамещение в 2014-2018 гг. наблюдалось в производстве свинины, мяса птицы, овощей и сыра. Рост внутреннего производства покрыл выпавший импорт более чем в 2 раза по данным продуктовым позициям (245%, 246%, 236% и 129% соответственно). Неплохие, но менее существенные, результаты наблюдаются в производстве сливочного масла и рыбы. Выпавший импорт был покрыт внутренним производством в среднем на 74.5%. Неблагоприятная ситуация с точки зрения импортозамещения наблюдается в производстве мяса крупного рогатого скота, где за 4 года процент замещенного импорта составил всего 18%, что вызвано снижением спроса со стороны потребителей (замещение дорогой говядины на фоне падающих доходов) и достаточно высокими инвестиционными рисками.

Следует отметить, что в настоящей работе мы не исследуем изменение соотношения цена-качество, что, безусловно, является важным аспектом вопроса импортозамещения и подлежит отдельному рассмотрению.

3. Вклад в экономический рост импортозамещающих отраслей

Одним из ключевых измерителей процессов импортозамещения является величина их вклада в экономический рост. Насколько нам известно, на настоящий момент есть немногочисленные сценарные *ex ante*-оценки вклада в экономический рост и динамику производства отраслей (Волчкова & Турдыева, 2016), (Бородин, 2018), однако *ex post* оценок не представлено в литературе.

Подобные ex post оценки вклада импортозамещающих отраслей в экономический рост можно сделать на основе подхода оценки отраслевых источников роста (см. (Зайцев & Казаков, 2019), (Timmer, Inklaar, O'Mahony, & Ark, 2010)). Данный подход позволяет получить оценки «снизу», поскольку не учитывает мультипликативных эффектов роста в сопряженных отраслях (строительство, торговля и др.). Однако, мы не ожидаем, что оценки вклада в ВВП существенно вырастут в случае применения более сложной методологии и учета мультипликативных эффектов.

Результаты применения данного подхода следующие. Мы не можем ожидать, что «импортозамещающие» отрасли, к которым мы относим сельское хозяйство (без учета производства зерновых), пищевую промышленность и машиностроение⁶, в кратко и среднесрочной перспективе станут основным драйвером роста российской экономики ввиду их относительно небольшого значения в формировании ВВП. Их доля в ВВП в досанкционном 2013 году составляла 9%, а к 2018 году практически не изменилась, из-за спада и нестабильной динамики в машиностроительных отраслях и компенсирующей их стабильно позитивной динамики в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Таким образом, даже в случае феноменального ежегодного роста в данных отраслях в 10%, вклад в общий рост ВВП составит не более 1 п.п. ($10 \cdot 0.09$).

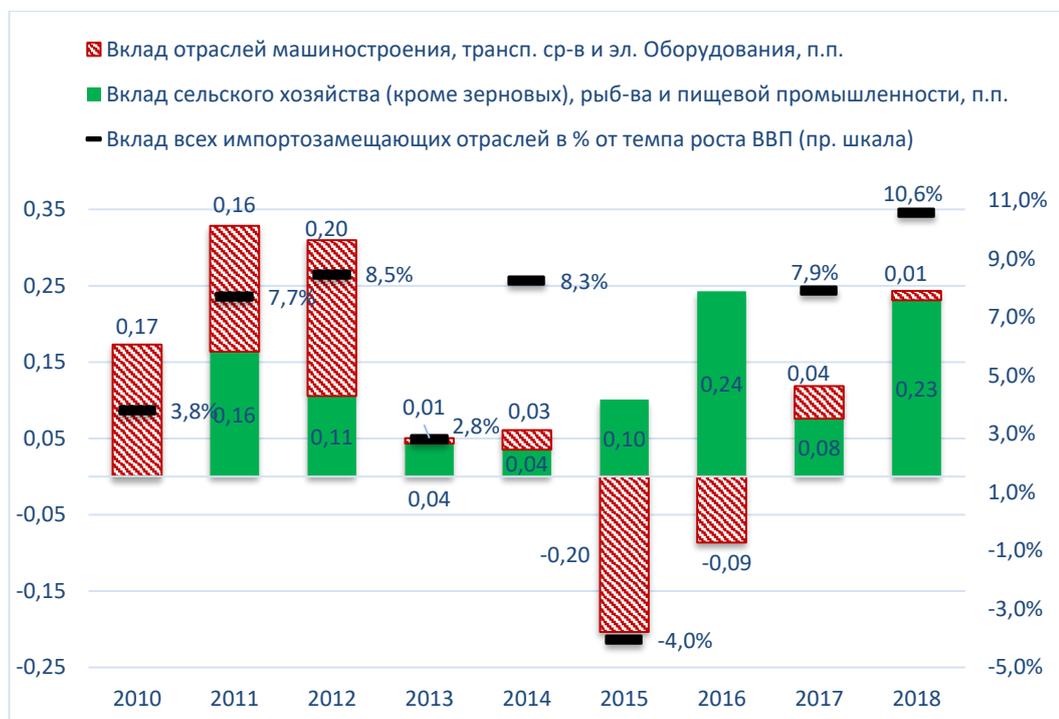
Несмотря на неплохие результаты отечественных отраслей сельского хозяйства (без учета зерновых) и пищевой промышленности в замещении продовольственного импорта, вклад в общий экономический рост России составляет позитивные, но умеренные значения: рост в данных отраслях объясняет до 10.1% экономического роста России. Так, при росте ВВП России на 2.3% в 2018 г. вклад сельского хозяйства (без учета зерновой отрасли) и пищевой промышленности составил 0.23 п.п. (или 10.1% от роста ВВП ($0.23/2.3$)). В 2016 г. вклад был аналогичным. В 2014-2017 гг. он варьировался от 0.04 до 0.10 п.п. (или 4-5% от всего экономического роста, см. рис. 1).

Стоит отметить, что вклад в 0.23-0.24 п.п или 10% от всего экономического роста в 2016 и 2018 гг. – это наибольший вклад, наблюдавшийся за последние 9 лет. При этом в досанкционный период вклад данных отраслей составлял не более 0.11 п.п. В периоды негативной динамики ВВП (2015-2016 гг.) пищевая промышленность и сельское хозяйство за счет своего роста и позитивного вклада сглаживали спад ВВП.

⁶ Более точно в группу импортозамещающих отраслей мы включаем сельское хозяйство (без учета выращивания зерновых культур), рыболовство, рыбоводство, пищевую промышленность (подраздел DA ОКВЭД-1), машиностроение, производство электро-, электронного и оптического оборудования, производство транспортных средств и оборудования (подразделы DK, DL, DM соответственно).

Таким образом, совокупность событий после 2014 г. позитивно повлияли на динамику сельского хозяйства и пищевой промышленности и привели к увеличению их роли в формировании экономического роста как в относительных, так и абсолютных величинах.

Рисунок 2. Вклад импортозамещающих отраслей в динамику ВВП России, п.п.

Источник: расчеты авторов по данным Росстата

Вклад машиностроительных отраслей был волатильным в санкционный период: от отрицательных значений в -0.09 и -0.2 п.п. в 2015-2016 гг., до положительных, но незначительных значений в 0.01-0.04 п.п. в 2017-2018 гг. (см. рис. 1). При этом динамика данных отраслей и роль в формировании экономического роста снизилась: в санкционный период она была в 3-5 раз ниже, чем в досанкционный период.

Общий ежегодный вклад всех импортозамещающих отраслей (АПК и машиностроительных отраслей) в санкционные годы не превышал 0.24 п.п. или 10.6% от всего роста ВВП. В абсолютных величинах (п.п.) ускорения не произошло (из-за спада и нестабильной динамики в машиностроении), однако в относительных величинах (в % от всего экономического роста) роль импортозамещающих отраслей возросла. Это объясняется тем, что в остальной части экономики произошло существенное снижение динамики под действием снижения цен на нефть и внешних санкций, в то время как сельское хозяйство, пищевую промышленность и машиностроение данные внешние

факторы затронули в меньшей степени, особенно на фоне масштабных программ импортозамещения, запущенных для развития данных отраслей.

Таким образом, можно констатировать двукратное увеличение вклада сельского хозяйства (без учета зерновых) и пищевой промышленности в динамику российского ВВП в санкционный период, при нестабильной динамике в машиностроении. Однако, масштабы их вклада по-прежнему невелики и не могут пока претендовать на роль ключевого драйвера экономического роста.

Но, безусловно, данные отрасли важны не столько с точки зрения формирования экономического роста, сколько для обеспечения продовольственной и экономической безопасности, обеспечения остальной части экономики продукцией отечественного машиностроения (по той продукции и технологиям, где это экономически целесообразно, есть потенциальные конкурентные преимущества, которые могут быть развиты, или где эта необходимость объясняется критериями экономической безопасности). Также развитие отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности обладает и важной положительной экстерналией в виде обеспечения занятости и сокращения безработицы в сельской местности ввиду своей традиционно более высокой трудоемкости и более низкой в сравнении с промышленностью производительностью труда.

Из приведенных выше оценок можно сделать предварительные выводы об отклике данных отраслей на новые возникшие стимулы роста и эффектах от государственной политики импортозамещения: определенный позитивный эффект наблюдается для сельского хозяйства и пищевой промышленности в виде двукратного роста абсолютного и относительного вклада в экономический рост данных отраслей в санкционный период. Однако в машиностроении существенных эффектов пока не наблюдается. Также об этом свидетельствует и сохраняющаяся высокая зависимость АПК от импортных машин и оборудования и ряда продуктов промежуточного потребления, доходящая до 80% (Цухло, 2016)⁷.

4. Оценка эффекта контрсанкций по продовольственным товарам для импорта и экономического роста

В настоящем разделе оценивается возможный кратко- и среднесрочный эффект контрсанкционных действий в терминах импорта по товарным группам, содержащим товары, попавшие под контрсанкции и рассчитывается вклад контрсанкций в прирост ВВП. В качестве периода реализации кратко- и среднесрочных эффектов выбран период 2014

⁷ Экономика и Жизнь <https://www.eg-online.ru/article/380214/>

года – момента введения контрсанкций. Выбор годового периода обусловлен тем, что контрфактический прогноз, лежащий в основе нашего подхода, также является краткосрочным прогнозом и теряет надежность по мере увеличения прогнозного интервала. Для оценивания долгосрочных эффектов требуется иной модельный аппарат, основанный на подходе общего экономического равновесия.

Задача определения величины контрсанкций в терминах импорта является весьма сложной, поскольку введение контрсанкций совпало по времени с падением нефтяных цен и реальным ослаблением рубля, что также привело к снижению импорта. Для решения задачи мы выделяем в динамике импорта по каждой товарной группе курсовые эффекты, предполагая, что наблюдаемое в 2014 году изменение импорта учитывает эффект замещения запрещенного импорта импортом товаров аналогов из других стран. Эконометрическая модель выглядит следующим образом:

$$I_t = \alpha_0 + \alpha_1 trend + \alpha_2 rer_t + \varepsilon_t \quad (2)$$

где I_t – совокупный импорт в натуральном выражении по товарным группам, включающим товары, в отношении которых были введены контрсанкции, rer_t – реальный эффективный обменный курс, $trend$ – тренд, $\alpha_0, \alpha_1, \alpha_2$ – параметры уравнения, ε_t – остатки. Далее используя фактические данные за 2014 год для реального курса rer_t и сопоставляя прогнозное значение для импорта с фактическим, получаем часть изменения показателя, не связанную с курсовой динамикой – контрсанкционный эффект. Данные спецификации формально не выделяют компоненту, связанную со снижением доходов, имевшим место в 2014 году вследствие падения цен на нефть. Мы предполагаем здесь, что эффект дохода не успевает в полной мере реализоваться в течение 2014 года, а основное его проявление приходится на более поздние периоды. Кроме того, при оценивании дезагрегированных товарных групп эффект дохода проявляет себя не вполне определенным образом, поскольку наблюдения содержат также эффекты замещения потребления товаров более дешевыми аналогами в результате падения доходов. Возможность проведения более подробного анализа, однако, ограничена доступностью данных. Действительно, протестированы нами спецификации с включением доходов показывали худшие результаты с точки зрения статистических критериев. В результате была выбрана максимально простая спецификация, где трендовая компонента описывает

результатирующее воздействие разнонаправленных факторов, повышая при этом статистическую достоверность оценок. Получившиеся результаты приводятся в таблице 2.

Таблица 2. Контрсанкционные эффекты импорта в 2014 году

	Ожидаемая динамика импорта в 2014, с учетом курсовых изменений, % год к году	Фактическая динамика импорта в 2014 % год к году	Контрсанкционное сокращение импорта в 2014, % год к году	Импорт в 2013 году, тыс. тонн	Абсолютное контрсанкционное сокращение импорта, тыс. тонн (2014-2013)	Выпуск в РФ в 2013 году, тыс. тонн	Контрсанкционное сокращение импорта относительно внутреннего производства, %
(1)	(2)	(3)	(4)=abs((3)-(2))	(5)	(6) = (4)*(5)/100	(7)	(8)=100*(6)/(7)
Сыр	-21,56	-27,01	5,45	440.42	24.00	435	5,517905747
Мясо (мясо свежее и мороженое)	-15,52	-19,01	3,49	1288	44.95	1539.23	2,920374057
Молоко и молочные продукты	-3,84	-11,82	7,98	220	17.56	8605.90	0,319839456
Овощи (картофель, томаты, лук и чеснок)	30,55	21,86	8,69	1606	139.56	27693.90	0,503942736
Яблоки	-22,34	-14,3	8,04	1352	108,7008	15274,152	0,71166504

Источник: ФТС, Росстат, Расчеты авторов

Согласно полученным оценкам, наибольшее контрсанкционное сокращение импорта в 2014 году относительно 2013 года произошло по овощам, фруктам (яблокам) и молоку (столбец 4). Несмотря на существенное оцененное контрсанкционное сокращение импорта по данным товарным группам, изменение относительно внутреннего производства оказывается небольшим в силу того, что доля импорта по данным товарным группам составляет незначительную величину. Напротив, несмотря на относительно небольшое контрсанкционное сокращение импорта сыра и мяса, относительно внутреннего производства изменение оказывается более существенным, в силу большей доли самого импорта по данным товарным группам.

Рассмотрим теперь вклад контрсанкционных действий в экономический рост для периода введения контрсанкций – 2014 года. Вклад рассчитывается на основе весов отраслей, выпускающих товары соответствующих товарных групп. Данный подход не учитывает прямого и обратного межотраслевого влияния, а также влияния со стороны факторов производства, и построенные на его основе оценки являются оценками «снизу». Предположим, что весь незамещенный импорт, сократившийся в результате контрсанкций,

покрывается внутренними производителями. Иными словами, оцененный эффект контрсанкций, измеренный относительно внутреннего выпуска, можно интерпретировать как прирост спроса для внутренних производителей.

Таблица 3. Вклад контрсанкций в ВПП в 2014 году

	Рост выпуска по отраслям - производителям товаров в результате контрсанкций, %	Доля отраслей в ВВП, %	Вклад контрсанкций в рост ВВП
(1)	(2)	(3)	(4)=(2)*(3)/100
Сыр	5,52	0,07*	0,0039
Мясо (мясо свежее и мороженое)	2,92	1.1	0,032
Молоко и молочные продукты	0,32	0.6	0,0019
Овощи (картофель, томаты, лук и чеснок)	0,5	0.8	0,004
Яблоки	0,71	0.2	0,0014
Всего			0,043

Источник: Росстат, ФТС, расчеты авторов. * доля сыра считалась как 1/8 доли выпуска молочной продукции группировки 15.51 Системы национальных счетов России.

Согласно полученным оценкам, совокупный отраслевой вклад в результате контрсанкций по таким товарам как сыр, молоко, мясо, овощи и фрукты (яблоки) составляет около 0,04 % ВВП, что незначительно. Вместе с тем, данная величина идентична совокупному вкладу отраслей, рассчитанному на основе фактической динамики. Это означает, что весь рост контрсанкционных отраслей происходит в результате контрсанкционных действий, а не в результате, скажем, эффекта девальвации.

5. Заключение

В настоящей работе рассмотрены процессы импортозамещения происходившие в период введения контрсанкций 2014-2018 гг. На рынках агропродовольственной продукции в 2014-2018 гг. наблюдались достаточно активные процессы импортозамещения с точки зрения объемов производства. По мясу птицы, свинине, овощам и сырам рост внутреннего производства покрыл выпавший импорт более чем в 2 раза. Это привело к росту доли отечественного производителя на фоне относительно стабильных объемов потребления данных продуктов. Для рынков мяса такая динамика является следствием запущенных еще задолго до санкций государственных программ поддержки данных отраслей. Отсутствие существенного продвижения наблюдается в производстве мяса крупного рогатого скота, где за 2014-2018 года сократившейся импорт был покрыт внутренним производством всего на 18%, а доля импорта по-прежнему составляет более половины всего потребления. Это

объясняется, с одной стороны, снижением спроса со стороны потребителей (замещение дорогой говядины более дешевыми видами мяса на фоне падающих доходов) и достаточно продолжительными сроками окупаемости в данной отрасли.

Несмотря на неплохие результаты отечественных отраслей сельского хозяйства (без учета зерновых) и пищевой промышленности в замещении продовольственного импорта, вклад в общий экономический рост России составляет позитивные, но умеренные значения. В период контрсанкций вклад данных отраслей существенно возрос по сравнению с досанкционным периодом.

Обнаруживается, что контрсанкции повлекли существенное сокращение импорта таких продуктов как молоко, овощи и фрукты. Вместе с тем, поскольку доля импорта по данным категориям в совокупном предложении оказывается малой, эффекты для внутренних рынков оказываются незначительными.

Согласно полученным оценкам, вся позитивная динамика отечественных отраслей сельского хозяйства и пищевой промышленности в 2014 году обеспечивается введением контрсанкций.

6. Литература

Timmer, M. P., Inklaar, R., O'Mahony, M., & Ark, B. van. (2010). *Economic Growth in Europe: A Comparative Industry Perspective*. New York: Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511762703>

Бородин, К. Г. (2016). Влияние эмбарго и санкций на агропродовольственные рынки России: анализ последствий. *Вопросы Экономики*. Retrieved from
<https://elibrary.ru/item.asp?id=25833989>

Бородин, К. Г. (2018). Оценка влияния продовольственного эмбарго и экономических санкций на товарные рынки (на примере рынков мяса). *Экономика и Математические Методы*, 4(54), 41–59. Retrieved from
<https://elibrary.ru/item.asp?id=36708110>

Волчкова, Н. А., & Турдыева, Н. А. (2016). Микроэкономика российского импортозамещения. *Журнал Новой Экономической Ассоциации*, 4, 140. Retrieved from
<ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/nea/journal/2016-32-140-146r.pdf>

Гнидченко. (2016). Импортозамещение в российской промышленности: текущая ситуация и перспективы. *Журнал Новой Экономической Ассоциации*, 32. Retrieved from

<https://publications.hse.ru/articles/193174726>

- Гурвич, Е. Т., & Прилепский, И. В. (2018). Финансовые санкции – механизмы действия и эффект. In *Международная Апрельская научная конференция НИУ ВШЭ-2018*.
- Гурвич, & Прилепский. (2016). ВЛИЯНИЕ ФИНАНСОВЫХ САНКЦИЙ НА РОССИЙСКУЮ ЭКОНОМИКУ. *Вопросы Экономики*, 1, 5–35.
- Зайцев, А. А., & Гурьева, В. И. (2019). Оценка эффектов замещения санкционных поставщиков в результате введения внешнеторгового эмбарго в России. In *XX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества НИУ ВШЭ 2019*. Retrieved from <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2019/04/09/798717-otechestvennie-proizvoditeli-kontrsanktsii>
- Зайцев, А. А., & Казаков, Н. С. (2019). Импортзамещение - фактор экономического роста России и ее регионов? In *XX Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества НИУ ВШЭ 2019*. Retrieved from [https://events-files-bpm.hse.ru/files/07587E2C-C8D1-41B3-9030-4BAEC2A219F3/Заявка конф ВШЭ 2018 фин вклад в рост.pdf](https://events-files-bpm.hse.ru/files/07587E2C-C8D1-41B3-9030-4BAEC2A219F3/Заявка%20конф%20ВШЭ%202018%20фин%20вклад%20в%20рост.pdf)
- Зимняков, В. М., (2016). Производство сыров в России. *Нива Поволжья. ФГБОУ ВО «Пензенская государственная сельскохозяйственная академия»*, 1(38), 15-21.
- Рязанов, К. А., Оценка результатов введения продовольственного эмбарго в России. *Выпускная квалификационная работа. Науч. Рук. – А.А. Зайцев. МШЭ МГУ, 2019 г.*
- Ларкина, А. В., Комарова С.Г. (2016). Оценка качества сыра на российском рынке. *Успехи в химии и химической технологии*, 2(30), 118-119.
- Синяков, А., Ройтман, А., & Селезнев, С. (2015). *Динамика потенциального ВВП России после нефтяного шока: роль сильного изменения относительных цен и структурных жесткостей*. Москва.
- Турдыева, Н. А., & Волчкова, Н. А. (2018). Кто заплатил за контрсанкции и кто выиграл в результате: анализ благосостояния. *Доклад к Апрельской Конференции ВШЭ 2018*.
- Фрумкин, Б. Е. (2016). Продовольственное эмбарго и продовольственное импортзамещение: опыт России. *Журнал Новой Экономической Ассоциации*, 4, 162. Retrieved from <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/nea/journal/2016-32-162-169r.pdf>

Федеральная служба государственной статистики. *Показатели, характеризующие импортозамещение в России*. Электронный ресурс. Режим доступа:
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/import-zam/3-7.xls

Цухло, С. В. (2016). Импортозамещение: мифы и реальность. *Ежегодный Доклад Франко-Российского Центра Обсерво*, 92–103.

Шагайда, Н., & Узун, В. (2016а). ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ. *Online Monitoring of Russia's Economic Outlook*, 3(21), 79–82.

Шагайда, Н., & Узун, В. (2016b). Продовольственное эмбарго и выбор приоритетов. *Вопросы Экономики*. Retrieved from
https://www.researchgate.net/profile/Natalya_Shagaida/publication/319586357_The_Food_Embargo_and_Choice_of_Priorities/links/5aaf8fe5a6fdcc1bc0bcc075/The-Food-Embargo-and-Choice-of-Priorities.pdf

Приложение

Уравнения для импорта:

Сыра

Dependent Variable: Y3
Method: Least Squares

Sample: 2004 2013
Included observations: 10

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	-2055476.	802368.6	-2.561761	0.0336
@TREND	85116.10	41411.66	2.055365	0.0739
REER_LEV	1736087.	956817.6	1.814439	0.1072
R-squared	0.900473	Mean dependent var		1170308.
Adjusted R-squared	0.875591	S.D. dependent var		545485.6
S.E. of regression	192401.7	Akaike info criterion		27.39956
Sum squared resid	2.96E+11	Schwarz criterion		27.50808
Log likelihood	-147.6976	Hannan-Quinn criter.		27.33115
F-statistic	36.19007	Durbin-Watson stat		1.591285
Prob(F-statistic)	0.000098			

Овощей

Dependent Variable: Z4+Z5+Z6
Method: Least Squares

Sample (adjusted): 2005 2013
Included observations: 9 after adjustments

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	643.6667	609.2131	1.056554	0.3216
@TREND	85.46667	47.49920	1.799329	0.1097
R-squared	0.288103	Mean dependent var		1712.000
Adjusted R-squared	0.199116	S.D. dependent var		482.0904
S.E. of regression	431.4329	Akaike info criterion		15.14896
Sum squared resid	1489075.	Schwarz criterion		15.20947
Log likelihood	-73.74479	Hannan-Quinn criter.		15.08257
F-statistic	3.237584	Durbin-Watson stat		1.800285
Prob(F-statistic)	0.109665			

Мяса

Dependent Variable: $(Z1+Z2)/(Z1(-1)+Z2(-1))$

Method: Least Squares

Sample (adjusted): 2006 2013

Included observations: 8 after adjustments

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	0.921263	0.037522	24.55229	0.0000
REER	0.009157	0.006299	1.453684	0.1963

R-squared	0.260464	Mean dependent var	0.956540
Adjusted R-squared	0.137208	S.D. dependent var	0.087144
S.E. of regression	0.080945	Akaike info criterion	-1.977767
Sum squared resid	0.039313	Schwarz criterion	-1.957906
Log likelihood	9.911066	Hannan-Quinn criter.	-2.111717
F-statistic	2.113198	Durbin-Watson stat	1.749910
Prob(F-statistic)	0.196259		

Молока

Dependent Variable: Z3

Method: Least Squares

Sample (adjusted): 2005 2013

Included observations: 9 after adjustments

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	63.08889	50.61182	1.246525	0.2527
@TREND	8.733333	4.123285	2.118052	0.0719

R-squared	0.390570	Mean dependent var	167.8889
Adjusted R-squared	0.303509	S.D. dependent var	38.27024
S.E. of regression	31.93883	Akaike info criterion	9.958652
Sum squared resid	7140.622	Schwarz criterion	10.00248
Log likelihood	-42.81393	Hannan-Quinn criter.	9.864072
F-statistic	4.486145	Durbin-Watson stat	2.826593
Prob(F-statistic)	0.071928		

Овощей

Dependent Variable: $Z4+Z5+Z6$

Method: Least Squares

Sample (adjusted): 2005 2013

Included observations: 9 after adjustments

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
----------	-------------	------------	-------------	-------

C	643.6667	609.2131	1.056554	0.3216
@TREND	85.46667	47.49920	1.799329	0.1097

R-squared	0.288103	Mean dependent var	1712.000
Adjusted R-squared	0.199116	S.D. dependent var	482.0904
S.E. of regression	431.4329	Akaike info criterion	15.14896
Sum squared resid	1489075.	Schwarz criterion	15.20947
Log likelihood	-73.74479	Hannan-Quinn criter.	15.08257
F-statistic	3.237584	Durbin-Watson stat	1.800285
Prob(F-statistic)	0.109665		

Яблоки

Dependent Variable: Z10

Method: Least Squares

Date: 09/05/19 Time: 17:52

Sample (adjusted): 2005 2013

Included observations: 9 after adjustments

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
REER	16.12696	4.354737	3.703315	0.0100
C	-53.03673	101.6385	-0.521817	0.6205
@TREND	86.07388	7.563962	11.37947	0.0000

R-squared	0.956134	Mean dependent var	1049.556
Adjusted R-squared	0.941512	S.D. dependent var	220.2913
S.E. of regression	53.27571	Akaike info criterion	11.05004
Sum squared resid	17029.81	Schwarz criterion	11.11578
Log likelihood	-46.72518	Hannan-Quinn criter.	10.90817
F-statistic	65.39059	Durbin-Watson stat	1.680575
Prob(F-statistic)	0.000084		